

Классика социальной теории спорта по-русски

ГУТТМАН А. (2016). ОТ РИТУАЛА К РЕКОРДУ: ПРИРОДА СОВРЕМЕННОГО СПОРТА / ПЕР. С АНГЛ. ПОД РЕД. В. НИШУКОВА. М.: ИЗД-ВО ИН-ТА ГАЙДАРА. 304 С. ISBN 978-5-9325-5434-0

Олег Кильдюшов

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Выход на русском языке книги Аллена Гуттмана «От ритуала к рекорду», давно ставшей классической для социальной теории спорта, видимо, должен вызывать смешанные чувства у заинтересованного отечественного читателя. После первого спонтанного чувства радости от обретения русским культурным пространством полного доступа к одному из важнейших текстов западной теоретической спортологии, вызвавшему в свое время серьезную дискуссию по ключевым проблемам онтологии спорта, следующей в палитре эмоций наверняка будет досада — из-за того что этого пришлось так долго ждать. Ведь в оригинале книга впервые вышла почти 40 лет назад, аж в 1978 году¹. Стоит ли говорить, что это по определению делает ее сегодня скорее памятником спортивно-теоретической мысли, нежели актуальным исследованием природы спорта на современном уровне изученности проблемы. С этим же связана еще одна реакция, которая почти неизбежно может возникнуть у читателя при ознакомлении с рецензируемым здесь сочинением — ложное чувство собственной продвинутости. Кстати, его регулярно можно наблюдать у части русских интеллектуалов из-за нашего темпорального запаздывания с освоением многих «новых» классиков XX века. Именно к ним в социальной теории спорта без сомнения относится бывший профессор американистики Амхерстского колледжа А. Гуттман².

© Кильдюшов О. В., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-1-164-170

1. *Guttman A.* (1978). *From Ritual to Record: The Nature of Modern Sports*. New York: Columbia University Press. Отдельные главы книги публиковались в тематических номерах журнала «Логос»: *Гуттман А.* (2009). От ритуала к рекорду / Пер. с англ. А. Маркова // *Логос*. № 6 (73). С. 147–187; *Он же.* (2013). Капитализм, протестантизм и современный спорт / Пер. с англ. В. Нишукова // *Логос*. № 5 (95). С. 1–42; *Он же.* (2014). Игра, забавы, состязания, спорт / Пер. с англ. В. Нишукова // *Логос*. № 3 (99). С. 191–208.

2. Его перу принадлежит целый ряд работ по исторической и теоретической социологии спорта: *The Games Must Go On: Avery Brundage and the Olympic Movement* (New York: Columbia University Press, 1984), *Sports Spectators* (New York: Columbia University Press, 1986), *Whole New Ball Game: An Interpretation of American Sports* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988), *Women's Sports: A History* (New York: Columbia University Press, 1991), *Games and Empires: Modern Sports and Cultural*

Некоторые отклики на публикацию его эпохального труда лишь подтверждают парадокс, характерный для постсоветской культурной ситуации в целом: в российском интеллектуальном сообществе гораздо лучше известны и освоены теоретические продукты и артефакты вторичного или даже третичного уровня, возникшие в качестве интеллектуальной реакции и/или критики «очень известных», но так и не прочитанных теоретиков типа Гуттмана³.

Следствием подобной «перевернутой» рецепции западной истории идей является процесс псевдоархаизации подлинно оригинальных концепций, заложивших понятийный фундамент позднейших дискуссий. Иными словами, тот же Аллен Гуттман как бы «устарел» уже потому, что мы гораздо лучше знакомы с новейшей критикой, «преодолением» или «снятием» его мысли, чем с самими его трудами. Ситуация усложняется еще и тем, что многие «классики» сами постоянно пересматривали, развивали и уточняли свои теории, и наш герой здесь не исключение. Печальным следствием подобной искаженной рецепции оказывается утрата теоретической связности в «исследованиях», основанных на «новейшей», но не обязательно «важнейшей» западной литературе...

Несмотря на űřřç некоторых позднейших критиков, для международного сообщества спортивных теоретиков именно эта работа носила рубежный характер, поскольку позволила по-новому взглянуть на фундаментальную проблему структурных отличий современного спорта от телесных практик предыдущих эпох. Ведь без рамочной парадигмы анализа этого уникального социокультурного феномена невозможно объяснить ту роль, которую спорт играет в обществах позднего Модерна. В последовавших за выходом книги дебатах активно обсуждались, критиковались и уточнялись основные положения Гуттмана, причем особо ему досталось за ориентацию на модернизационные теории в духе великих социальных теоретиков М. Вебера, Т. Парсонса и Н. Элиаса, хотя само понятие «модернизация» в книге вообще не встречается. Наиболее жесткой была критика со стороны марксистски и феминистски ориентированных авторов, а также так называемых постмодернистов, вдохновленных прорывными работами М. Фуко о дисциплинарных институтах современности.

Структурно книга состоит из двух равных по объему частей: в первой (главы 1–3) предлагается систематическая интерпретация общих аспектов современного спорта, в фокусе внимания второй (главы 4–6) находится американский спорт, в частности, ставится вопрос, почему в США столь популярны бейсбол и американ-

Imperialism (New York: Columbia University Press, 1994), Japanese Sports: A History (Honolulu: University of Hawaii Press, 2001), Sports: The First Five Millennia (University of Massachusetts Press, 2004).

3. Так, один из «продвинутых» критиков называет Гуттмана «устаревшим до абсурда», другая рецензентка ничтоже сумняшеся пишет о его труде следующее: «Как это часто случается с нержавеющей классикой, по факту за прошедшие тридцать с лишним лет она изрядно заржавела: левацкий пафос автора выглядит сегодня забавным анахронизмом (уж не говоря о его преклонении перед спортом в странах «соцлагеря»), а многие вещи, пробуждающие в нем нешуточный полемический задор, давно уже не способны вызвать ничего, кроме вежливой зевоты» (<https://meduza.io/feature/2015/12/04/est-veschi-povazhnee-futbola>).

ский футбол. По сути, это два содержательно и методологически разных исследования, объединенные в рамках одной книги генеалогией познавательного интереса автора. Как объясняет сам исследователь, первоначальным эвристическим импульсом для него стало удивление при посещении футбольного матча на берлинском Olympiastadion: под впечатлением от увиденного там он задался наивным вопросом, почему европейцы обожают игру, которая тогда была почти неизвестна в Америке, т. е. исходной для него была мысль о корреляции спортивных предпочтений с определенными антропологическими типами («национальным характером»). Однако знакомство с европейской традицией изучения спорта⁴ привело его к убеждению, что «историческое различие между традиционным и современным спортом гораздо важнее, чем современное различие между американским и европейским спортом. Иными словами, разница между *сейчас* и *тогда* гораздо важнее, чем разница между *здесь* и *там*» (с. 281).

Тем не менее в работе подробно обсуждается разница между индивидуальными и командными видами спорта (глава 6), причем автор исходит из ошибочности представления о том, что американцы более склонны к индивидуализму, чем европейцы. Сравнивая спортивные предпочтения тех и других, он надеется выявить принципиальные различия в занятиях спортом в Европе и Америке. Более того, он пытается анализировать современные и досовременные черты «национальных» для США видов спорта — бейсбола и американского футбола — как симптомы американской культуры как таковой⁵.

С точки зрения социальной теории наиболее релевантны именно первые три главы, которые, собственно, и являются предметом данных размышлений⁶. Особенно ценна в этом отношении первая глава (с. 11–33), в которой тематизируются отношения между такими близкими, но отнюдь не тождественными феноменами, как игры, состязания и собственно спорт в узком смысле слова. Прояснение семантики и прагматики понятий, обозначающих эти формы культурно-телесных практик, позволяет приступить к решению основной теоретической задачи исследования — проведению структурного различения между современным спортом и его историческими «предшественниками» в виде первобытных, античных и средневековых игр и состязаний.

4. Аллен Гуттман специально изучал французские и немецкие источники и исследования по истории и социологии спорта во время пребывания в Германии в рамках программы Фулбрайта в 1973–1974 годах.

5. Ср. более позднее признание Гуттмана, пришедшего к выводу, что «десятилетия этих попыток закончились провалом» (с. 282).

6. Ср.: «К счастью для меня, о книге «От ритуала к рекорду» судили в основном по трем первым, а не трем последним главам» (с. 283). Это и другие примечательные высказывания приводятся в авторском послесловии (с. 280–297), представляющем отдельную ценность и носящем говорящий подзаголовок «Ретроспективная критика». Оно впервые было опубликовано в 2001 году вместе с рядом критических отзывов на книгу «От ритуала к рекорду». В нем Гуттман не только отвечает на — часто просто несправедливую — критику, но и рассказывает о генезисе собственной концепции и истории ее рецепции. Здесь можно видеть не только содержательную и методологическую эволюцию, но и определенную стабильность взглядов автора.

Этому посвящена вторая глава (с. 34–103), в которой Гуттман сформулировал свои знаменитые семь критериев, выделяющих современные формы состязательности от традиционных игр и забав: секулярность, равенство, специализация, рационализация, бюрократизация, квантификация и, наконец, рекордизм как характерные черты спорта эпохи Современности. По мнению автора, именно эти ключевые признаки спорта, структурно соответствующие социальной специфике Модерна, сделали возможным его повсеместное распространение в современном мире. В этой связи автор анализирует мифические и религиозные элементы спорта, демонстрируя на примере футбола и других сегодняшних видов механизмы достижения катарсиса в рамках провозглашенной бароном де Кубертенем *religio athletae*.

Аналитический подход в систематике в книге методологически сочетается с импрессионистскими по характеру интерпретациями отдельных кейсов, а анализ эмпирических данных — с субъективными впечатлениями и обращением к литературным текстам. Забавно, что когда-то этот плюрализм в методологии вызвал обвинения в отсутствии научной строгости, в частности, из-за привлечения в качестве иллюстративного материала «фиктивных литературных персонажей». Стоит ли говорить, что после «лингвистического поворота» в социальной теории спорта нынешнее поколение исследователей уже не удивишь обращением к подобным «ненаучным» жанрам⁷.

Между тем, приступая к анализу природы современного спорта, которая и тогда, и сейчас остается предметом споров спортивных теоретиков, Гуттман действует строго научно: вначале исследует основные понятия игры (*play*), игр (*games*)⁸, состязаний (*contests*) и спорта (*sports*), отграничивая их от близкой с точки зрения неутилитарности сферы искусства. При проведении различий он обращается к европейской традиции рефлексии феномена *homo ludens* — от Фридриха Шиллера до Йохана Хейзинги. Более того, помимо философской традиции понимания человека как существа играющего, он указывает на попытки разработать теологию игры, в рамках которой бог предстает Первым игроком (*Deus Ludens*)⁹. Среди теоретиков, к наследию которых он обращается, встречаются имена очень разных мыслителей: Карла Дима, Роже Кайуа, Зигмунда Фрейда, Ролана Барта и др. Результатом прояснения используемых понятий становится схематичная модель, в которой спорт понимается как «игровое физическое состязание». Несмотря на

7. Некоторое время назад один из номеров ведущего американского журнала по социологии спорта был посвящен именно автобиографии и художественной литературе: *Sociology of Sport Journal*. Vol. 17. № 1.

8. Русские переводчики для передачи разницы между понятиями *play* и *games* перевели второе как «забавы», что вряд ли можно считать удачным решением и по семантическим, и по стилистическим соображениям. В результате им пришлось каждый раз приводить английский оригинал, а в ряде случаев и вовсе отказаться от перевода *game* как «забавы».

9. Гуттман ссылается на работы: *Fink E.* (1957). *Oase des Glücks*. München: Karl Alber; *Idem.* (1966). *Spiel als Weltsymbol*. Stuttgart: Kohlhammer; *Miller D. L.* (1969). *Gods and Games*. New York: World Publishing.

высокий уровень абстрактности и даже внеисторичности, данный эвристический инструмент позволяет Гуттману дифференцировать характеристики современного спорта и объяснить их отсутствие в предшествующие эпохи¹⁰.

При анализе культурных и социальных предпосылок возникновения спорта современного типа особое внимание уделяется марксистской критике спорта, столь популярной в 1960–1970-е годы. Так, в третьей главе (с. 104–159) автор привлекает марксистские, неомарксистские и иные теоретические подходы, от которых он впоследствии дистанцируется в режиме «критики критики». На его взгляд, радикальное отрицание спорта в духе Т. Адорно и его последователей, разоблачающих спорт как отчужденную и даже репрессивную форму, используемую правящими классами в собственных политических целях, иногда приводит к парадоксальным выводам: если спорт — это всего лишь механизм отчуждения, это означает, что буржуазия, представители которой занимаются им гораздо интенсивнее, чем трудящиеся, подвергает себя отчуждению в гораздо большей степени, чем эксплуатируемые ею рабочие. Более того, «предпочтение игры [спорту] — часть романтического отказа от основ современного общества. В такой перспективе неомарксистская позиция намного ближе консерватизму «Homo Ludens», чем к радикализму «Капитала» (с. 144).

Отвергая марксистски ориентированные версии генезиса спортивных практик как вульгарно материалистические, Гуттман обозначает свою собственную версию как «идеалистическую». При этом он прямо называет Макса Вебера в качестве маркера собственного теоретического подхода¹¹. На его взгляд, именно веберовская интерпретация позволяет «увидеть в микрокосме современного спорта характеристики современного общества: секулярность, равенство, специализацию, рационализм, бюрократическую организацию, квантификацию. Шесть этих характеристик плюс погоня за рекордами... независимо и систематически связывают элементы идеального типа современного общества» (с. 145).

Критики отметили сознательное стремление Аллена Гуттмана уйти от привычного выделения «основных факторов», свойственного не только марксизму с его экономическим детерминизмом. Так, крупнейший немецкий философ спорта Х. Ленк писал, что это единственная возможность выстроить теоретическую модель, адекватную сложности самого феномена спорта. А также о том, что это принципиально невозможно в рамках попыток выделения одного-единственного существенного признака: лишь дифференцированный аналитический подход позволяет критически соотнестись с различными элементами собственной концептуальной схемы, учесть многообразие исследуемого феномена и получить к нему доступ посредством междисциплинарного анализа. Ленк отметил усилия автора

10. Ср.: «Есть только один способ понять какое-либо явление — увидеть его на фоне того, что не имеет к нему никакого отношения» (с. 34).

11. Я с удивлением обнаружил в рецензируемой книге такой забавный ляп: Макс Вебер цитируется по русскому изданию фундаментального труда «Хозяйство и общество», причем в качестве года издания указан 2010 год, хотя на русском он до сих пор не вышел (с. 284).

выстроить терминологически однозначный теоретический конструкт на основании предварительно проясненных понятий, и лишь затем приступить к поискам социально-институциональных источников современного спорта¹².

На основании исторических, антропологических, социологических и литературных источников Гуттман сформулировал теоретически амбициозную концепцию современного спорта как универсального феномена Модерна (в его капиталистической и социалистической версиях). Привлечение марксистских и модернизационных теорий позволило ему продемонстрировать структурную взаимосвязь между спортом и характерными моментами общественного развития современных обществ. С момента выхода книги предпринимались многочисленные попытки опровергнуть предложенную им концепцию — как в целом, так и ее отдельные элементы. Прежде всего посредством поиска в телесных практиках древних и традиционных обществ черт, напоминающих современный спорт, например — квантификацию результатов состязаний (особенно в стрельбе из лука). Или, напротив, посредством выявления элементов ритуала в спорте дня сегодняшнего.

Несмотря на эти и иные попытки критики, опровержения и даже «снятия», сочинение Аллена Гуттмана сохраняет свой классический статус именно в силу эвристических достоинств — оно по-прежнему является важной частью спортивно-теоретического канона, задавая целое поле возможностей для дальнейшей концептуализации феномена спорта эпохи позднего Модерна. При этом классик указывал на скромные возможности научного анализа этого феномена, в котором в равной степени интенсивно присутствуют и телесное, и психологическое измерения. Так, в предисловии к своей последней книге он иронично признал: «No one knows enough to write such a book»¹³.

В заключение хочется выразить надежду, что вслед за выходом труда «От ритуала к рекорду» издатели порадуют сообщество отечественных исследователей спорта публикациями других классических для данной субдисциплины социального знания работ, что, в свою очередь, позволит постепенно нормализовать все еще критическую ситуацию с литературой по теоретической спортологии в российском культурном пространстве.

Classics of Social Theory of Sport in Russian

Oleg Kildyushov

Researcher, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

Review: Alen Guttman, *Ot rituala k rekordu: priroda sovremennogo sporta* [From Ritual to Record: The Nature of Modern Sports] (Moscow: Gaidar Institute Press, 2016).

12. Lenk H. (1982). Auf der Suche nach dem Wesen des Sports: Ueberlegungen im Anschluss an A. Gutmann, Vom Ritual zum Rekord // Sportwissenschaft. Bd. 12. № 2. S. 202–213.

13. Речь идет о книге «Sports: The First Five Millennia».